

Елена Асеева

ЧЕТЫРЕ ДНЯ,
ЧЕТЫРЕ НОЧИ

Елена Александровна Асеева

Четыре дня, четыре ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12845724

ISBN 9785447434946

Аннотация

Что может случиться глубокой ночью, если ты одинок и несчастен? Бойся! Так как к тебе в эту темную ночь может прийти демон Босоркун. Демон, восставший из древних славянских легенд, впрочем, подарит возможность разобраться в событиях прошлых веков, позволит окунуться в трагические и гибельные моменты ушедшего, покажет Пекельное царство грешников. И все это – лишь затем, чтобы отсрочить конец света?!

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	32
Глава четвертая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Четыре дня, четыре ночи

Елена Александровна Асеева

*«Нет ни высокого дела, ни стройного слова
без живого чувства собственного достоинства...*

Чувства собственного

*достоинства нет без национальной гордости,
а национальной*

гордости нет без национальной памяти»

П. Киреевский

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Ночь, время, когда солнце скрывается за твердью земной. Ночь-это тьма, мрак, темнота, это холод и север. Издревле люди боялись ночи, боялись этой тьмы, этих потемок, и чтобы избежать, их, они зажигали свечи, теплили лампадки, они шептали молитвы и просили Господа о сохранении своей жизни и жизни близких.

Ну, а если они ошибались, если не стоило и просить, и зажигать...

Ведь тот, кому они молились, кого просили, всегда незримо присутствовал рядом, стоял в изголовье или в ногах, он улыбался уголками губ, а может даже тихо смеялся над этой глупостью, над этими страхами, потому как сыздавна все мы были его подданными. Все мы принадлежали ему без остатка, и не только душами, но и телами нашими покрытыми тонкой кремовой кожей, с мелкими бугорками, волосками и выемками. Все мы были его невольниками, яремниками, угнетенными, и случилось это тогда, когда в давние времена предки наши забитые и униженные властью жестокосердных, бездушных государей, царей, императоров потеряли, похоронили или утаили веру дарованную Богами Света!

С тех самых пор, с того самого момента, нам не надо было теплить лампад, разжигать свечей, включать лампочки, нам не зачем было никого страшиться, никого бояться, потому

что Он-тот к кому мы перешли на службу, кому мы поклонялись и молились, был всегда рядом. И это Он-все творил в нашей судьбе. Он-направлял нашу поступь, наши мысли, желания и стремления. И это Он так, чтобы никто не услышал, тихо смеялся над нами. А на поясе у него, широком, черном поясе висело десять, может больше, черных, кривых крючков, чем-то похожих на рыболовные снасти. Они висели с левой стороны и тихо, точно также как он смеялся, ударяясь друг о друга, позвякивали. И всякий раз, когда они позвякивали, слышалось тебе, словно кто-то шепчет певуче и необычайно насыщенно, используя все слова какие ты слышал и внимал с пеленок, шепчет тебе, куда ты должен идти и как поступать.

Дзинь... дзинь... дзинь! Пробудись, открой глаза, оглянись!

Кто рядом с тобой, и что Он творит с твоей судьбой!

Глава первая

В квартире было тихо... впрочем, как всегда. Вот уже целых шесть месяцев, как в этой квартире было тихо, изредка правда слышалась ругань соседей живущих за бетонной стеной, да мяукал противный Барсик, любимец жены Руслана. Из глубин плохо закрытого крана иногда неслышно вылезала набухшая, толстая, обремененная жизнью капля воды, она мгновение висела, хватаясь тонкой прозрачной ниточкой за хромовую поверхность крана, а после отрывалась и летела вниз, да громко бухалась об жестяную раковину, издавая: «Бах!» Это-бах, слышалась почему-то хорошо, а еще слышались и другие звуки: скрипучие, визжащие тормоза автомобилей, тянущие за душу сирены скорой помощи и милиции, окрики и свист людей, гул... Гул вечно живущего города, который проникал, проползал даже через плотно закрытые металлопластиковые окна и наглухо зашторенные занавесы. Город, вечный город, жил своей жизнью и ему было как всегда безразлично кто ты, что с тобой и есть ли ты вообще такой!

Ну, а если не считать всех этих вползающих, без твоего разрешения и желания в квартиру, звуков, то можно было сказать, так думал молодой мужчина, что в квартире царила, блуждала и летала тишина.

Руслан сидел за столом в небольшой кухне, на деревян-

ном стуле с покато́й, высоко́й спинко́й, и, нажима́я на кнопки дистанцио́нного управле́ния, смотре́л телеви́зор, кото́рый когда-то, в боле́е сча́стливые мгнове́ния жи́зни, бы́л устано́влен, по жела́нию Тяну́ши, напро́тив сто́ла. За спи́ной у него́, вдо́ль сте́ны поме́стилась раковина́, изда́ющая ба́х, га́зовая плита́ и уго́ловой кухо́нный шка́ф, пла́вно переполза́ющий на дру́гую сте́ну. Имен́но на это́м шка́фу и сто́ял телеви́зор, по экра́ну како́вого бе́гали, мелькали́, кру́жились лица́ дово́льных и сча́стливых лю́дей, лица́ неподкупных, жертвенных, сериа́льных ментов, проку́роров, министров и пре́зидентов. Изредка́ переключая́ каналы́, Руслан ви́дел одни́ и те же лица́, одни́ и те же филь́мы. С экра́на улыба́лись, широко́ растя́гивая губы́, оскали́вая свои́ белые́ зу́бы, модели́, текли́ пото́ки сладко́й, кисло́й и горько́й на вкус во́ды с гра́дусами́ и без, актеры́ на разны́е манеры́ уговари́вали поку́пать лю́дей соки́, зу́бные пасты́, сти́ральные поро́шки, кре́ма, лека́рства, и вся́кую не нужную́ вся́чину. С экра́нов гавкали́ и мяукали́ соба́чки и кото́ики, беспокóйно разы́скивающие́ свои́х двуно́гих мам и па́п, а сло́вно замо́ренные голо́дом, бледные́, худые́ дети́ ели́ ту же соево-хи́мическую́ пи́щу, что и бра́тья их мла́дшие. Реклама́, филь́мы, спорт, новости́ и шоу... шоу програ́ммы, все, что́бы ты помни́л, как тебе́ хо́рошо, прекра́сно живе́тся! И совсе́м не важно́, что́ на ду́ше у тебя́ тя́жко... и не то́лько она́-душа́, но и ве́сь ты са́м, точно́ прижа́т, прида́влен к это́й земле́, к это́му покры́тому лино́леумом бето́нному полу́, в во́сьмиэта́жном, мно́гоквартирном

доме.

Руслан опять переключил канал, его руки лежали на столе, в левой он держал дистанционку. Протянув правую руку к чашке, с недопитым кофе, он неторопливо взялся за изогнутую ручку пальцами и, поднеся край чаши к губам, сделал небольшой глоток, да тотчас поморщился, скривив не только губы, но и нос, и лоб. Кофе совсем остыло, и было холодным, леденяще холодным. Варить новое не хотелось, смотреть телевизор, где в очередной раз кто-то погиб, а кого-то за это награждали, не хотелось...

А что же хотелось? Хотелось закрыть глаза и уснуть, но уснуть так, чтобы больше не просыпаться, чтобы сразу умереть и уйти к ней, к Танюше, к ним: матери и отцу... туда к ним, не важно, где они находятся. Лежащий под столом Барсик лениво потянулся, и, вздев свой хвост кверху, провел им по ногам Руслана.

– Брысь! Брысь! Паршивец! – гневно вскрикнул молодой мужчина, и, наклонившись, заглянул под стол, да легонько пнул кота ногой.

Барсик лениво поднялся и сел, но заранее зная, что за наглость расплаты не последует, вздел голову и своими двумя желтющими глазами посмотрел прямо в темно-карие очи хозяина да громко замурчал.

– Иди, иди отсюда, я тебе не Танюша, – недовольным голосом забухтел Руслан и вновь пнул кота в зад.

Но Барсик был не просто наглым, он был ленивым и очень

толстым, да не желал так быстро покидать насиженного места, а потому даже когда, нога хозяина, прошлась по его задку, не пожелал обратиться с тапок. Он лишь сильнее замурчал, так, словно был доволен тем, что его настойчиво пинают в мягкое и столь необходимое для жизни место. Но мужчина сегодня был не расположен терпеть этого наглеца, потому он со всей силы пнул Барсика в спину, и кот сердито зашипев, полетел через кухню прямо к дверям, а стукнувшись об дверную створку, наконец, встал на все четыре лапы, недовольно заурчал в ответ и пошел в комнату, подняв вверх бело-серый хвост, и мягко ступая своими нежно-розовыми подушечками по линолеуму.

– И не смей на диван залазить, – вдогонку Барсику, все также гневно крикнул Руслан. – А то я и оттуда тебя тоже... тоже выпну.

И как только бело-серый кот ушел из кухни, на мужчину опять накатила тяжелая волна воспоминаний, та волна, от которой не просто тяжело поднять голову, от которой совсем не хочется открывать глаза. Все началось полтора года назад... когда в авткатастрофе погибли родители Руслана: мать и отец, люди, кои не просто даровали ему жизнь, а кои были всегда его поддержкой и опорой, кои любили, лелеяли, баловали своего ненаглядного, единственного переростка сына. Ведь их сыночку сейчас было уже тридцать два года, женился он поздно в двадцать семь лет, но женился по любви. И белокурая Танюша, которая была моложе Рус-

лана на два года, стала женщиной его жизни, той частичкой каковую долго ищешь, а иногда так и не находишь. Но Руслан счастливчик, так всегда говорила мама, так всегда говорили друзья. И он нашел свою Танюшу, и он был очень счастлив!

Но разве можно быть более довольным своей судьбой, имея добрых, заботливых родителей, которые смогли воспитать, выучить, дав высшее инженерное образование; имея интересную работу, на которую всегда хотелось идти; имея любимую женщину, которую всегда хотелось целовать, обнимать и прикасаться к ее коже подушечками пальцев. А еще родители помогли оформить кредит и купить однокомнатную квартиру на третьем этаже, восьмизэтажного дома, помогли обустроить быт... все, все складывалось, как нельзя лучше. И даже та неприятность, что Танюша пока не могла иметь детей, не огорчала Руслана. «Какие наши годы!» – говорил он жене. «Все успеем!» – думал он, надеялся и был уверен в справедливости этих слов.

Но там, где-то далеко, а может быть и совсем близко, тот, кто очень часто, а по сути, всегда, решает за нас, рассудил по-другому.

И-бах! Погибли в автокатастрофе родители....

И-бах! Приговор врачей-Танюша больна раком...

И-бах! Танюши больше нет...

И теперь Руслан один...

Совсем, совсем один, и нет любимых, дорогих родителей, нет нежной, милой жены... нет детей...

Один... один-он!

Конечно, где-то у него есть дальние родственники: троюродные братья и сестры по отцу, живут они далеко от города в станице, но Руслан с ними толком никогда и не общался, дружить толком никогда не дружил, да толком-то и не были они родней. Еще есть родственники Танюши: мать, отец, старшая сестра, у которой муж и дочь. Но разве им пятерым, нужен он, Руслан. Теперь, когда нет Танюши, он стал им чужим, был зятем, а стал никем. Жить, они прожили, нет ничего, детей совместных не было, а то, что нажили: стиральную машинку, шкаф, диван, родители Тани оставили ему, им после потери дочери ничего не надо было. У них есть еще дочь и внучка, а ему, Руслану, надо жить дальше и быть может вновь жениться, и иметь детей, так сказала теща, так сказал тесть. Но не так думал Руслан, для него после смерти Танюши жизнь остановилась, как будто было, что-то до этого мгновения, а теперь все... все-прямая линия. Еще кое-как поддерживала любимая работа в Транспортной компании, поедая его свободное время... Ну, а сегодня, когда наступил первый день его отпуска, в который его прямо силой выпихнул начальник отдела кадров, что-то зазвенело в голове. И самое, интересное, это то, что звенело всю ночь... и чудился тихий голос, а порой казалось ему, говорила Танюша и будто просила, что-то. Выходные он провел с друзьями на рыбалке, и все было нормально, а в наступившем сегодня понедельник, все и началось...

Весь день Руслан слонялся, по квартире, не зная чем заняться, и что сделать. Часа три провел за ноутбуком в надежде, что кто-нибудь из знакомых захочет пообщаться, но все были заняты, как говорилось, выше, нынче был понедельник, а как известно в понедельник только и работать, ведь со среды все ждут и готовятся к выходным.

Так и не дождавшись общения с друзьями на страничке, еще немного полазил по Интернету, в поисках чего-нибудь необычного и интересного, но ничего не нашел. Из всего необычного увидел одно: справа на экране в малюсеньком окошке внезапно выскочили и повисли слова-призыв: «Хотите узнать точную дату своей смерти, заходите к нам!!!» Черное, черное окошко и на нем красными буквами, с которых стекает и капает вниз алая кровь, были начертаны эти слова... На такое посмотришь и содрогнешься, а душа Руслана за последние полтора года, так часто содрогалась, и даже очень тихо стонала и плакала, там внутри груди, увидев это окошечко негромко завывла так, как воеет побитая палкой собака. И от этого, едва ощутимого, звериного воя заболело не только молодое и полное сил сердце, но почему-то заболела голова, спина, левая рука, грудь, правая рука и даже ноги, так точно по ним враз проехал груженный песком камаз. А потом внезапно снова зазвенело в ушах, и чей-то почти не слышимый, но осязаемый кожей вкрадчивый голос сказал: «Так, что Руслан, а не пора ли узнать, сколько осталось тебе мучиться на этом свете». Услышав этот голос, мужчина

испугался не на шутку так, что на голове встали дыбом волосы, а тело, все еще нетерпимо объятное болью, покрылось холодными капельками пота. Он поспешно вышел из Интернета, отключил модем, а после и совсем выключил ноутбук. Руслан слышал, как громко стучало сердце. И глухой его звук отдавался в голове, грудь заполнилась чем-то непереносимо огромным и тяжелым, и стало трудно дышать... трудно вздохнуть и больно подумать.

И вот теперь Руслан сидел за столом, смотрел телевизор, выплескивал на своего единственного члена семьи, выжившего после череды страшных событий, Барсика всю свою боль, тоску, и все свои страдания, вроде этот бело-серый, толстый кот в них был повинен. Незаметно пришел вечер, на улице, во дворах и городе стемнело, ночь густой, черной пеленой опустилась на землю, она принесла с собой покой в жилища, в тела и души людей, она укрыла города, страны, огромные пространства Яви своей мглой, давая людям еще один глоток отдыха, еще один шанс одуматься, оглядеться, услышать, а услышав разобраться. Руслан же, наконец-то, прервал свои горькие воспоминания, иссушающие душу, он отвел пустой, безжизненный взгляд от экрана телевизора, где особенно жарко обсуждали в очередном, беспринципном шоу, чью-то жизнь, выливая и вытягивая на поверхность то, о чем не просто стыдно говорить, а даже стыдно думать.

Кухню уже давно съела тьма, лишь тусклое мигание экрана приносило в комнату какую-то пусть и мрачную,

но все же жизнь. «Надо ложиться спать, – подумал мужчина. – А завтра с утра пойду на толчок, пройду, погляжу джинсы. Скоро наступит лето, придет жара, а у меня джинсы все плотные, теплые... нужно купить полегче... А теперь, пора на боковую».

Руслан отодвинул стул и поднялся, он неторопливо взял со стола чашку с остатками кофе, и, развернувшись, шагнул к раковине, да поставил ее на жестяную, давно не чищеную поверхность, даже не помыв и не вылив из нее остатки напитка. Затем все также неторопливо и неспешно подкрутил кран, чтобы оттуда не вылетали капли воды, и, пошел вон из кухни, на миг, задержавшись возле телевизора, бросив последний взгляд в довольные лица граждан и протянув руку, нажал кнопку «Off-On». И тотчас, когда кухню поглотила непроницаемая тьма, что-то громко звякнуло позади него в раковине, из крана вырвалась и полетела вниз огромная капля воды, да гулко ударившись о темно-коричневую поверхность кофейного напитка, утонула в нем. И немедленно комната наполнилась тихим дребезжанием, а после стал также тихо трезвонить колокольчик... и звук колокольчика, то приближался, то удалялся, словно кто-то, держал его в руке, и кружился в медленном танце.

Руслан услышав, звенящий колокольчик, поспешно выскочил из кухни, и, повернув направо, вбежал в комнату, да также поспешно включил свет. Три лампочки ярко вспыхнули в изогнутых рожках стеклянной люстры, изображаю-

щей раскрытые бутоны роз, и без задержки осветили комнату. Наполнили ее искусственным, мертвым светом, но все же светом и в тот же миг колокольчик, перестав трезвонить в кухне, смолк. Мужчина порывисто выдохнул, переполнившийся легкий воздух, и утер ладонью проступивший на лбу пот, подумав, что это наверно от одиночества и пережитого у него стало не в порядке с головой. В комнате, где четыре с половиной года, он и Танюша были по-настоящему счастливы, все было по-простому, на покрытом линолеумом полу лежал кофейно-голубой палас, кремовые обои на стенах несли на себе какие-то коричневатые, нелепые мазки, ни о чем не говорящие. Справа от двери впритык к стене стояли два широких бурых кресла, а напротив них на противоположной стене громоздился раздвинутый диван сверху укрытый несвежим, давно не стиранным постельным бельем. На диване также поместились две небольшие подушки в таких же грязных, давно не стиранных наволочках и Барсик. Кот лежал на боку, прямо на одной из подушек и раздосадовано постукивал хвостом по пледу, недовольный тем, что включили свет.

– Ах, ты, паршивец! – злобно крикнул Руслан и торопливо шагнул к дивану.

Барсик открыл глаза, и, увидев разгневанное лицо хозяина, попытался ретироваться с дивана, но в связи с тем, что долгие три года своей жизни он был любимцем и баловнем, которого не только холили, но и сытно, хорошо кормили,

быстро слинять не удалось, и потому толстый кот, все же получил, как ему и было обещано, пинка под зад. Барсик улетел прямо к деревянному шкафу-купе, что стоял у стены и хранил в себе небогатый скарб хозяина, и, стукнувшись об одну издвигающихся створок в каковую было вставлено зеркало, остановил свой полет. Приземлившись на палас, кот медленно сел, огляделся кругом, точно не до конца понимая свой проступок, и принялся, протяжно мурлыча вылизывать свою помятую от пинков густую шерсть. Руслан стоял возле дивана и недовольно глядел на кота, потом он перевел взгляд и посмотрел в зеркало, откуда на него глянула вся его комната: диван, два кресла, находящееся напротив зеркала металлопластиковое, широкое окно и дверь на лоджию, тюлевая, полупрозрачная, длинная, голубоватая занавесь. На него глянула проглядывающая темнота живого города, а после на него глянул он сам.

У мужчины было узкое, худое лицо, с небольшим вздернутым кверху носом, глубокими темно-кариими глазами, с тонкой, верхней и широкой, нижней, губами. Коротко стриженные темно-русые волосы прикрывали слегка округлую голову. Высокого роста, и худого телосложения, Руслан не был красив, но женщины, с которыми его сводила судьба, всегда говорили о нем, что он очарователен, не только внешне, но и внутренне. Любимец родителей, он хорошо учился в школе, в институте. Он прочитал много книг, слушал красивую музыку, и был умен... Именно этим и брал Руслан

в полон женские сердца, своим умом и каким-то доставшимся от далеких предков мужским очарованием, умением быть или казаться со стороны победителем, умением сказать и защитить женщину шагающую рядом.

Но сейчас посмотрев на себя в зеркало, Руслан пере-дернул плечами, потому как смотреть на свое посеревшее от переживания лицо было противно. Чтобы стать прежним и очаровательным, нужно улыбнуться, засмеяться... однако улыбнуться или тем более (такое страшное слово) засмеяться, было не простительно подло по отношению к Танюше, по отношению к их любви, а потому лучше и совсем не смотреть на себя в это зеркало. Нахмутив свой лоб, и, отвернувшись от противного отражения, мужчина тяжело вздохнул, да принялся снимать с себя вещи: легкую, голубую с коротким рукавом рубашку, тонкое, темно-синие, домашнее трико, носки. Бросив все это на кресло, где опершись на его мягкую, широкую спинку, стояла светло-коричневая гитара, пошел тушить свет, и, нажав пальцами на выключатель, поспешно, вроде опасаясь чего-то вернулся, в наступившей, непроглядной тьме, к дивану, да раскидав подушки и плед, улегся. Он подоткнул под руку одну из подушек, которая хранила тепло и тьфу-тьфу шерсть кота, и закрыл глаза.

Глава вторая

Но сон, как не странно, к нему не шел, а ведь до сегодняшнего вечера, вернее уже ночи, это единственная радость, которая осталась у Руслана.

Сон, был избавителем от всех, острых, душевных мук и скорби.

Сон, поглотитель боли и печали.

Сон, точно легкое успокоительное, приносил тихую грусть заменяя жуткую тоску поедающую душу. Однако теперь и этот верный друг покинул мужчину. Считать овец не получалось, считать котов тоже, думать о чем-то хорошем давно не могло и потому приходилось просто лежать, не открывая глаз и прислушиваться к звукам царящим в комнате, квартире, доме, городе.

Вжиу... вжиу... вжиу... по широкой проезжей части вправо и влево носились машины.

Выу... выу... выу... гудели потревоженные сигнализации автомобилей пристроившихся на отдых под окнами.

Гав... гав... гав... залаял соседский пес, где-то за стенкой, возмущенный или обиженный на что-то.

Пув... пув... пув... заработал лифт, поднимающий кого-то на верхний этаж.

Бах... вновь упала капля воды в чашку, мур... мурлыкнул напоследок прикорнувший возле шкафа кот. И, внезапно,

перед глазами Руслана поплыл серый туман, сквозь который он четко и ясно разглядел голубое небо, заполненное осенней чистотой и солнечными лучами до краев, высокие деревья с облетающей желто-зеленой листвой, небольшой костерок с поднимающимся кверху пламенем огня, поедающий сухие ветви и тихую еле слышимую трель лесной птички... Насыщенный любовью и счастьем день его прошлой жизни.

Руслан не просто увидел, услышал, но он будто почувствовал, втянув носом, эту нетронутую злобной, людской рукой чистоту родного леса. Ощутил небывалый осенний, звенящий шум опадающей листвы, которая срываясь с ветки где-то высоко, грациозно кружась, опускалась вниз, осыпаясь на своих братьев и сестер, уже покрытых тонкой, хрустящей коркой.

Дзинь... дзинь... дзинь!.. Нет, это звук не из леса, это другой звук, и он почему-то волнует Руслана, тревожит его душу так, что красота лесная темнеет или блекнет, сразу и не разберешь. И вот опять перед глазами серый туман, и видит он, как раздвигает кто-то руками эту плотную завесу, и слышится все тоже дзинь... дзинь... дзинь! Но вот человек вышел из тумана и душа Руслана радостно вскрикнула, а может, вскрикнул и он сам, потому как увидел ее, Танюшу.

Но, Господь мой, что с Танюшей? Белокурые волосы ее частями опали, оголив голову, да не просто оголив, а сняв в этих местах кожу и показав белую кость черепа. Ее милое, родное лицо покрылось темно-зелеными, гниющими ямами.

Ее прекрасных голубо-серых глаз и вовсе не было, а на Руслана смотрели пустые глазницы. Ах! Бог мой! кожа рук и ног, и само тело, в тех местах где не была прикрыта превратившимися в лохмотья вещами, тоже отсутствовала, и проглядывали гладкие, словно вымытые белые кости, или разлагающиеся внутренности. Очень хорошо было видно большое кроваво-красное, с черными и зелеными крапинками по поверхности, сердце. А руки Танюши были крепко накрепко связаны толстой, серебристой с круглыми кольцами цепью, и именно эти кольца ударяясь друг о друга звякали, выпуская то самое громкое-дзинь! Но хуже всего было то, что очень сильно, просто невыносимо, пахло разлагающейся плотью. Внезапно, часть щеки Танюши запузырилась, забулькала, будто там была не кожа, а какая-то жидкость... губы... черные, черные губы ее, на чуть-чуть приоткрылись, и тихо шепнули: «Прощай, Русенька, больше мы не увидимся».

Руслан глубоко вздохнул и проснулся, однако глаза не открыл. Иногда так бывает, проснешься глубокой ночью, пережив какой-то страшный кошмар во сне, а глаза не можешь, не смеешь открыть и лежишь, да тихо уговариваешь себя, что то был только сон. Так было и с Русланом, он лежал в своем доме, в своей комнате, у себя на диване, ощущая кожей спины полотно простыни, и не смел, открыть глаза. Подушка, приткнутая к спинке дивана, была вся мокрая, то ли от слез, то ли от пота, обильно напитавшем сыростью

волосы и тело. Мужчина туго дышал, ощущая каждой клеточкой, каждой крупиночкой своего тела взволнованное состояние собственной души, коя притаилась где-то в груди, рядом с большим тяжело бухающим сердцем. Вся поверхность кожи была не просто мокрой, а покрыта крупной, гусиной кожей, а каждый волосок, включая волосы на голове, испуганно поднялись вверх и в этом поднятом состоянии замерли. А обмерли они, потому что комнату все еще наполнял непереносимый запах гниющей плоти. Вдруг совсем рядом, подле ног опять, что-то дзинькнуло, тихо, тихо дзинь... дзинь... дзинь! Душа внутри содрогнулась, а легкие переполнили грудь так, что казалось еще мгновение, и Руслан задохнется. «Танюша!» – тревожно пролетело в голове. «Пришла, ведь я ее звал... Звал... Надо подавить страх и открыть глаза», – продолжил свои летящие мысли он.

Еще мгновение мужчина лежал неподвижно, порывисто вздыхая, потом резко сел, и также энергично открыл глаза, а секундой позже сам собой у него отворился рот и оттуда вырвался глухой стон. Оно как лучше бы то и вправду была Танюша, чем то, что увидел Руслан. Возле края дивана, недалеко от шкафа-купе, стоял или висел очень высокий, худой мужчина, точно восставший призрак или приведение из фильма ужаса. У этого призрака-мужчины была белая, бледная кожа, белоснежные до плеч прямые волосы, узкий, низкий лоб, тонкий, изогнутый немного вправо, нос. Негустые белые, будто обсыпанные снежной изморозью бро-

ви, ресницы и такие же тонкие, белые губы. А глаза у мужчины гляделись необычайно широкими и глубокими, ярко красного цвета, такие красные, словно внутри очей разлилась кровь и поглотила весь белок. Призрак был одет в серое, длинное платье, чем-то схожее с женским, с широкими, длинными рукавами, полностью скрывающими руки, без всяких разрезов спереди и сзади, лишь с отверстием для головы. Поверх какового проходил, стягивая его на талии, широкий, черный пояс, с висящим, на левой стороне, десятком черных, кривых крючков, напоминающих рыболовные снасти, только большего размера. И еще Руслан хорошо разглядел, что мужчина не стоял на полу, а висел... парил над паласом, и из-под длинного его облачения не выглядывали ноги так, что казалось ног и вовсе у призрака не имелось.

Руслан широко раскрыл рот, затем сомкнул его. Он хотел было громко закричать и криком прогнать это существо, этот призрак, этого мужчину, но после того как изо рта вырвался стон, более оттуда ничего не могло выйти, так будто голосовые связки ему перерезали, каким-то острым предметом.

– Тише, тише, тише..., – высоким, с едва слышимой хрипотцой, голосом сказал Он, призрак-мужчина. – Тише, человек, не стоит кричать. Крик тебе не поможет. Уж поверь ты мне, я знаю твоих соседей, знаю всех этих людишек, что окружают тебя... твой крик не пробудит в них сочувствия и жалости, только злое любопытство, раздражающее их нена-

сытное желание знать все и обо всех... Если, ты, человек успокоишься, я сниму повеление и мы с тобой поговорим... Ведь именно для этого я и проявился, чтобы мы с тобой могли поговорить... Ну, что, ты, успокоился?

Призрак говорил слова неспешно, делая паузы между предложениями, как бы давая время успокоиться человеку и подавить сковавший его душу и тело страх, а когда он замолчал, Руслан, все еще держа широко разинутым рот, кивнул головой. У приведения едва изогнулись белые уголки губ, он маленько приоткрыл рот, показав бездонную, черную глубину и тихонько дунул. И в ту же секунду Руслан глубоко вздохнул, к его голосовым связкам вернулась былая гибкость, он почувствовал тепло внутри рта, гортани и даже пищевода, и не менее хриплым голосом, чем призрак, спросил:

– Ты, кто?

Мужчина не отводя своих кровавых глаз, пристально смотрел прямо в очи Руслана, а тот только теперь заметил, что несмотря на царящую ночь, струящуюся сквозь тонкие, тюлевые занавески, в комнате было как-то необычно светло. Нет! Не то, чтобы светло... но и не темно. В комнате стоял полумрак, но полумрак плыл лишь вокруг приведения, потому что возле него словно курился беловатый полупрозрачный дымок. Вследствие этого там, рядом с призраком витал сумрак, неясность, серость и угрюмость, однако дающая возможность прекрасно все разглядеть, а во всей остальной комнате стоял густой, непроглядный мрак.

– Кто ты? – тем же хриплым, наполненным страхом голосом, переспросил Руслан.

– А, ты, сам не догадываешься, кто я? – тихим смешком, прошипевшим во мраке ночи, вопросом на вопрос, ответил призрак. – Разве, ты, не узнаешь меня? Мы так долго перешептывались с тобой... Ты так часто отгонял меня... Так часто гневался и обижался... разве ты не узнаешь меня?

– Ты... ты... Бог.., – прерывисто прошептал человек и опустившиеся на теле Руслана волосы, внезапно опять поднялись кверху, вроде как возмущаясь такому предположению.

Уголки губ мужчины выгнулись еще сильнее, он произнес, что-то наподобие нечленораздельного «хмы», и более высоким голосом, в котором слышались холодные металлические нотки, сказал:

– Глупец... глупец! Какой я тебе Бог! Я тебе демон!... Демон, который живет рядом, который наблюдает за тобой и ведет твою черно-пятнистую душу прямо в Пекло!

– Куда? – изумленно спросил Руслан, услышав будто бы знакомое, однако одновременно и новое слово.

– В Пекло, в Пекло, – пояснил демон, и одеяние его заметно заколыхалось, точно по нему прошли волны. – Все... все вы пойдете в Пекло... не в ад-как выдумали управляющие вашими душами, а в пекельное царство, где служки Чернобога будут сечь вас кнутами объатыми холодом, где вы будете нести наказание за то, что предали Богов создавших вас,

за то, что потеряли веру дарованную вам.

– Нет!.. нет!.. нет!... – все тем же испуганным шепотом откликнулся Руслан, и нащупал правыми пальцами четырехконечный крыж на груди. – Я верю в Господа! И я уйду в рай к своим родителям, к Танюше.

– Хым... – опять нечленораздельно хмыкнул демон. – Точно в твоих словах лишь одно. Это то, что твои родители и жена, связанные металлическими цепями, по рукам и ногам отбывают наказание... Вот только не в раю, не в аду, а в Пекле. Там куда уходите вы все, жители планеты Земля, жители земной Яви, потому как забыли, утеряли, утаили веру предков, а поэтому закрылись для вас ворота Ирий-сада.... И теперь... теперь вы все... все, до последней капельки своей пятнистой души принадлежите Ему-Чернобогу, моему и твоему Повелителю и Властителю...!

– Чего, чего?... Ничего я не пойму..., – громко выкрикнул Руслан, и, протянув руку, нащупал на диване лежащую подушку, да схватив оную, крепко прижал к груди, пытаюсь отгородиться ее перьевой внутренностью от слов демона, и от него самого.

– Конечно, ты, меня не понимаешь, – все тем же высоким, ровным голосом молвил демон и одежда его снова пошла рябью, заколыхалась, начиная от прижатого к короткой шеи плотного воротника-стойки и заканчивая подолом платья. – Нужно время, чтобы ты разобрался во всем, а времени у нас немного... совсем, совсем мало времени... и потому,

ты сейчас запомнишь, что я тебе скажу, и выполнишь в точности мое повеление.

– Нет!.. нет!.. – пронзительным, с истеричными нотками внутри, голосом закричал Руслан и издал нечто вроде звериного вопля, затем голос его сорвался на хрип и он со всей силы швырнул подушку, в зависшего над кофейно-голубым, ворсистым паласом, демона.

Подушка оторвалась от рук Руслана, и, подлетев немного вверх устремилаь кружась и переворачиваясь к демону, а тот протянул вперед свою правую, белую руку с длинными, тонкими пальцами, на которых вместо ногтей красовались выпуклые, похожие на половинки грецких орехов, красно-черные наросты. Подушка подлетела, прямо к кончикам пальцев демона, остановила свое движение и повисла в воздухе продолжая кружиться по какому-то затейливому кругу, переворачиваясь, вроде совершая, что-то вроде гимнастического сальто. Она висела так несколько секунд, не больше, а после с той же быстротой, с какой подлетела к демону, понеслась обратно и крепко ударила Руслана в лицо так, точно это примчалась не подушка, а чей-то мощный, сомкнутый кулак. Удар был такой силы, что у человека мгновенно заболел нос, и закружилась голова, а секундой позже из обеих ноздрей обильно потекла кровь. Ударившись об лицо, подушка скатилась по груди и упала на ноги. А Руслан, устремив взгляд, всмотрелся в демона, который уже опускал правую руку прямо к крючкам, висящим у него на поясе и изда-

ющим-дзинь! Он едва заметным движением указательного пальца дотронулся наростом до одного из крючков. И немедленно нарост разломился надвое, оттуда вылезли два тоненьких не толще шелковой нити, усика и оплели крючок. Послышалось громкое дзинь-бом, крючок оторвался от пояса, а демон, не сводя своих красных глаз, в коих начали ярко вспыхивать белые блики огня, принялся медленно поднимать руку. Руслан видел не только очи демона, он видел, как неспешно поднимается вверх его рука. А когда она образовала, по отношению к телу демона, прямой угол и в глаза человека глянул загнутый, черный крючок, неожиданно указательный палец, усики которого крепко удерживали крючок, стал расти и удлиняться. Рос, вытягиваясь вперед лишь палец. Рука, кисть, да и сам крючок оставались тех же размеров. Руслан неотступно наблюдал за приближающимся к нему крючком, он чувствовал, как из носа течет кровь, и хотел поднять руку и утереть ее, но не мог, он хотел было открыть рот и закричать, но не мог. В голове пронеслась мысль, убежать, но тело его казалось обездвиженным, или налитым тяжестью, какую не было сил преодолеть. Тело ему не подчинялось... ни тело, ни руки, ни рот, ни нос. Лишь глаза... глаза оставались в его власти, и видел он, следя очами за движением крючка, как тот приблизился к груди, как тотчас раздалась надвое его грудь, покрытая редкими, черными, жесткими волосками, и подцепленная крючком за черный рот выглянула оттуда его душа.

В-первый миг, когда душа его выглянула наружу, показав свою черно-голубую голову, Руслан почувствовал страшную душевную боль, от которой человек никогда не кричит, от которой человек не может плакать, а может лишь выть, как дикий зверь. И точно заново пережил он те страшные минуты, когда врачи поставили диагноз Танюше, и точно заново пережил тот жуткий миг, когда безразличным, уставшим голосом врач сказал ему, что Танюше больше нет. Внезапно у него прорезался голос, и он громко закричал, не сводя глаз с покачивающейся и выглядывающей из груди, подцепленной на крючок, голубой души, у которой коротюсенькие волосики, уши, рот, нос, щеки и глаза были черные, с какими-то белыми крапинками по поверхности, а оставшаяся на голове голубизна не светилась, а лишь тускло мерцала.

– А... а... а...! – кричал Руслан, и крик его казалось, наполнил не только комнату, но наверно и весь восьмиэтажный, многоквартирный дом.

– Замолчи, – повелительно сказал демон.

И Руслан тотчас смолк, но не потому что он этого захотел, а потому что не мог не подчиниться. Рот его закрылся сам собой, и голосовые связки перестали издавать звук.

– Надеюсь, ты, понял человек, что ты, в моей власти, – все также повелительно продолжил демон. – А раз, ты, это понял, прочувствовал и надеюсь, оценил... Запомни, что ты должен теперь выполнить, – демон на миг прервался и легонько дернул пальцем, и душа Руслана податливо закивала

головой. – Завтра, ты, откроешь свой ноутбук, и хорошенько изучишь понятия Пекла, Ирий-сада, и главное выяснишь, кто такой Чернобог. Ты, это выполнишь, а ночью я приду и проверю, как ты выполнил мое повеление... Ты понял?

Теперь поспешно кивнул головой сам Руслан, потому как она вдруг стала ему подчиняться. Он подался вперед иглянул на душу, которая все также покачивалась на крючке. Большая красная капля крови, вылетела из носа, и полетела прямо сквозь голубо-черную голову души, и Руслан видел, как она приземлилась на его светлые трусы.

– Хорошо, что ты меня слушаешь. Хмы, – добавил демон. – Умный и послушный, это прекрасные качества яремника Чернобога, ты хорошо воспитан... А главное это то, что в тебе нет желания борьбы... Ни духовной, ни физической... Ты словно мертв... мертв душой, живое у тебя одно лишь тело... Впрочем эта беда случилась со всеми жителями земной Яви... Однако сейчас, мой послушный яремник, мы должны именно пробудить в тебе... Вернее в этой слабой, – и демон немного дернул на себя крючок, отчего вздрогнула не только душа, но и сам Руслан. – Так вот, мы должны, в слабой, заплутавшей и безжизненной душе твоей, пробудить желание борьбы... то желание и ту борьбу, кою издревле вели твои предки с нами и в коей... хмы! они проиграли!... И советую тебе заняться тем, что я повелел прямо с утра, да не стоит тебе тратить, поверь мне, бездумно, свое драгоценное время... – демон на миг прервался.

В его глазах перестали блистать белые блики огня, он медленно потянул на себя палец с крючком так, что дрогнула его рука, где-то в районе локтя. Черный крючок вылез изо рта души Руслана, и та провалилась вглубь его тела, а грудь тихо заскрипев, как плохо смазанные дверные петли на входной двери, сомкнулась.

– И не ходи ты в свою ропату, – продолжил каким-то безжизненным, мрачным голосом демон. – Ничего там нового не услышишь и не увидишь, там мои яремники трудятся внушая вашим душам то, что нужно мне... А теперь спи... чтобы ты выполнил то, что я повелел, тебе надо отдохнуть... Хмы!

И лишь демон произнес «хмы!» как Руслан повалился на мокрую подушку, лежащую позади него, закрыл глаза и уснул. Но перед тем, как провалиться в глубокий, без всяких сновидений сон, он ощутил своим носом, втянув глубоко воздух, что запах гнили пропал, а слух уловил тихое урчание кота, наверно этот бело-серый наглец, несмотря на запреты, улегся прямо возле головы и замурыкал, выводя свои кошачьи трели.

Глава третья

Руслан проснулся и почему-то сразу вздрогнул всем телом. Он открыл глаза, и посмотрел на белые обои покрывающие потолок, потом перевел взгляд и глянул на покрытые пылью лампочки, на чудно укрытую серой паутиной стеклянную люстру, и подумал, что странный и жуткий сон, который видел, этой ночью и так хорошо запомнил, несомненно, вызван тяжелыми переживаниями его измученной души. Усмехнувшись, припоминая свою голубо-черную покачивающуюся душу, Руслан явственно услышал вдруг около левого уха тихое урчание довольного Барсика. Мужчина порывисто сел и повернув голову, глянул на кота, расположившегося возле подушки на бело-серой простыне обильно покрытой густой, кошачьей шерстью. Он протянул руку, взял Барсика за шкурку, да приподняв откормленное тело кота над диваном, гневно потряс его в воздухе, а когда лапы животного вытянулись вдоль тела, и глаза открылась, со всей силы швырнул того на пол. Кот очень мягко, словно умел планировать в воздухе и осуществлять безаварийную посадку, приземлился на палас, подле железных ножек кресла. И тотчас опять улегся на бок, продолжив довольное урчание да сомкнув желтые глаза, занялся своей вечной работой, а именно сном.

Руслан скинул с себя плед, укрывающий тело, и, развер-

нувшись на диване, спустил ноги на палас. Он порывисто вздохнул и огляделся, да немедля отшатнувшись назад, тяжело вздрогнул. Но вздрогнуло не просто его тело, вздрогнула и сжалась в комочек вся его душа, живущая внутри груди, потому что на светло-сероватых трусах ярко светилась капля багровой крови. Еще какое-то время он всматривался в эту каплю, после поспешно поднял дрожащую руку, провел пальцами по носу, тот легохонько побаливал. Также торопливо Руслан провел подушечками пальцев по коже под носом, губам и подбородку по каковому ночью, как ему казалось обильно текла кровь. Да, оторвав пальцы от лица, поглядел на них, но поверхность подушечек была чистой, никаких признаков того, что ночью из носа текла кровь. Мужчина подскочил с дивана, и ускоренно минуя маленький коридор, где справа на стене, рядом с входной дверью, находилась укрепленная вешалка, на серебристом крючке коей висели джинсовая куртка и черный раскладной зонт, открыв дверь да включив свет, вошел в совмещенную ванну и туалет. Подскочив к фаянсовому умывальнику, над которым поместилось прямоугольное, немного округлое сверху зеркало, Руслан заглянул в его серебристую, отражающую все и вся поверхность, и увидел свое посветлевшее, на удивление, лицо, испуганные глаза и отекший, красноватый нос.

Протянув руку, он вновь принялся ощупывать красноватую кожу носа, и припухлость на нем. Но только эта краснота, припухлость, да капля крови на трусах, подтвержда-

ли ночной кошмар с приходом демона. Однако более ничего не говорило о том, приснилось ли ему произошедшее или все случилось на самом деле. Ведь и лицо, и грудь, на которой на тоненькой, золотой цепочке висел небольшой, золотой крыж прячущейся в волосах, все было чистым, ни капли крови, или еще чего-нибудь.

«Странно», – подумал мужчина, и, прекратив ощупывать нос, опустил руку вниз к крану, да открыл холодную воду. А когда кран издал плюх, и выпустил из своей внутренности пахнущую ржавчиной рыже-серую воду, подставил под нее сомкнутые вместе ладони рук и принялся умываться, продолжая поглядывать на себя в зеркало, обдумывая то, что пережил во сне.

«Неужели у меня поехала крыша... Или это было на самом деле... На самом деле приходил демон, ведь нос все-таки болит и..., – Руслан вновь плеснул холодной воды на лицо, успокаивая болевший нос, и подавшись чуток назад от раковины, дотронулся мокрым указательным правым пальцем до засохшей капли крови на трусах и добавил уже вслух, – и капля крови на трусах».

Внезапно в голове пролетели строчки из любимой поэмы Лермонтова «Демон»:

«Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья,
Пред ним теснились толпой...»

«Да, – продолжил свои мысли Руслан про себя. – Не очень-то приятно встретиться с демоном, так как Тамара после такого свидания прескверно закончила». И вновь всплыли строки из поэмы:

«Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было все: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье-
Прощанье с жизнью молодой.»

«Умерла Тамара, молодая и красивая, стоило ей связаться с этим демоном. И главное, что обидно и неприятно не уберегли ее стены монастыря», – прошептал Руслан самому себе, будто делаясь секретной информацией, и снова посмотрев на свое отражение в зеркале, погладил холодным пальцем нос.

«Наверняка, если этот демон привяжется ко мне, то лобзать меня не станет, во как нос разбил. Ха... ха... ха!» – по-

пытался поддержать свои мрачные мысли смехом Руслан.

Но в квартире, где царем была тишина, его негромкий смех не смог разлететься, он выпорхнув за дверь, мгновенно стих, словно погасшая от дуновения ветерка свеча. А тот смех, что наполнил ванну, отскочил, отозвавшись эхом от керамической плитки и подлетев обратно к судорожно вздрагивающему телу Руслана замер подле него.

Порывисто выдохнув, мужчина закрыл кран, и вода не мешкая закончила вытекать из его покрытого белым налетом, изогнутого носика, а миг спустя перестала журчать, убежав вся по серой, давно немойтой раковине вниз, в распахнутую бесконечную пропасть-канализацию. И когда в ванне воцарился тот же правитель, что и во всей квартире под именем «тишина», в кухне, что-то громко дзинькнуло, и услышал Руслан, как оторвалась от кухонного носика крана огромная капля воды и зажужжав, бахнулась прямо в чашку с недопитым кофе.

«Скорей в ропату!» – промелькнула в голове мысль, и громко загудел внутри набат бум... бум, вызывая жуткий страх и испуг.

Руслан в тот же миг развернулся, и, потушив в ванне свет, побежал в комнату. Он подскочил к шкафу, открыл его зеркальную створку, и, схватив висящие на вешалке джинсы, принялся одевать их. Затем все также поспешно сорвал с вешалки синюю толстовку, и, натянув ее через голову, быстрым шагом вышел в коридор. Взволнованно и прерывисто

дыша, он протянул руку, снял с крючка куртку, и только всунув руки в рукава, еще даже не одев ее на себя полностью, услышал блинь... блинь, сигнал сообщения по мобильному телефону. Засунув левую руку в карман куртки, где позавчера оставил свой сотовый, мужчина вытащил его оттуда, достав, словно из глубокой пропасти, нажал на кнопку разблокировки, и в тоже мгновение окошко в телефоне ярко вспыхнуло необычным багряным светом, а по нему побежали слева направо черные слова:

«Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль в душе шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала.
Чей образ видела во сне.»

Руслан прочитал строчки из поэмы Лермонтова, и оторопело поглядел на бегущие по экрану слова, потом нажал на клавишу «назад», надеясь прочитать, кто прислал это сообщение. Однако телефон, будто не подчинялся ему и клавиши не реагировали на нажатие, а черные слова продолжали показывать строки поэмы и двигаться по багряному экрану. Руслан гневно потряс телефон, а секунду спустя пропали и слова, и багряность экрана. Еще мгновение и на голубом, как прежде экране телефона, в списке входящих сообщений появилось новое имя Босоркун... никогда ранее не слышимое и даже не видимое, и тотчас в кухне около раковины

опять, что-то дзинькнуло.

Услышав вновь этот звук, Руслан содрогнулся всем телом. Он испуганно поднял голову и посмотрел на дверной проем, ведущий в кухню, и ему показалось, что сейчас оттуда выйдет, вылетит, а проще говоря, появится демон. И, чтобы ни в коем случае, с ним не столкнуться, мужчина энергично натянул на голые стопы, на которые даже не успел надеть носки, кроссовки, открыл замок на входной двери, и также торопливо распахнув дверь, выскочил на площадку. Да порывисто и громко хлопнув дверью, надавил на нее всем корпусом, надеясь, своими жалкими силами и худющим телом преградить выход демону. Руслан вытащил из кармана куртки ключи и дрожащими пальцами принялся вставлять в замочную скважину длинный, обрезанный с одной стороны ключ. Рука его тревожно тряслась, пальцы и ключ тоже, но все же он смог попасть в замок и отрывисто вздохнув, закрыть его. И лишь ключ повернулся в замочной скважине два раза, точно разделив его и его квартиру на два фронта, а довольное сердце в груди стало биться тише и ровнее, как позади себя Руслан услышал тихое дзинь... дзинь.

– Ах! – громко вскрикнул он, и, повернувшись, вжался спиной в коричневую кожаную обивку двери.

Позади него чинно и спокойно поднимался по ступеням лестницы, держа в руке связку ключей, сосед из квартиры рядом. Это был средних лет мужчина, с русыми, длинными волосами, взъерошенными и неаккуратно убранными

в конский хвост, он немного ошарашено глянул на Руслана, и, скривив лицо, будто увидел, что-то очень не приятное, а может даже постыдное, кивнул ему головой. А впервые в жизни, обрадованный появлению соседа, Руслан отпрянул от двери, мгновенно вытащил из замка ключ, кинул его в карман, да после бросил туда же сжимаемый в левой руке сотовый. И бойко минуя соседа, поспешил в ропату, в надежде, что прикарий, поможет ему избавиться от этого ужасного, поедающего душу страха.

Чуть ли не бегом, выскочив из подъезда, своего восьмиэтажного дома и ни на миг не задерживаясь, он побежал к ропате. Руслан почему-то очень торопился, он надеялся, мечтал, что прикарий, ведущий утреннюю службу обязательно его выслушает, поймет и главное... главное непременно ему поможет.... Однако где-то там, в глубине груди, сидела испуганная черно-голубая душа, и тихо ему шептала, что-то. Руслан на доли секунд остановился, и огляделся. Он стоял прямо на середине тротуарной дорожки, по которой спешили на работу и по своим делам люди, подле широкой уходящей вправо и влево проезжей части, где носились легковые автомобили, автобусы, маршрутки, троллейбусы и грузовые машины.... И все, все живые люди, мертвые железки, все куда торопились, спешили, боясь не посметь, боясь не успеть, боясь опоздать, а вместе с этим опозданием, не получить то, что значительно и бесповоротно улучшит их и без того облегченную и рационализированную жизнь.

По голубому небу, каковое просвечивалось сквозь сероватую завесу дыма и газа, летели белые, громадные, рыхлые облака, они напоминали волшебных птиц и зверей, и казалось, спустились из горней дали, или выпорхнули из старинных сказок. Желтое, теплое, круглое солнце, источник радости и жизни, поднималось из-под земли. Лучи его пробивались не только чрез высокие здания, но, и, минуя пустые, незанятые постройками места, входили в бетонно-асфальтный город, наполняя тот своим живым, истинным и сущим светом. И на миг Руслану показалось, что это не солнечный луч, ласково погладил его по голове, а мама... добрая, родная, любящая мама, нежно провела своей ладонью по его коротким, темно-русым волосам, и, наполнившись этими теплыми воспоминаниями, он прислушался к себе, и теперь только услышал о чем говорит, вернее, шепчет его душа. А душа убеждала его не ходить в ропату, потому как она давно уже чувствовала, что нет в том здании с высокими, золотыми куполами и крыжами наверху, нет там ни света, ни успокоения, ни надежды. Особенно остро душа почувствовала это, когда умерла Танюша, которая верила в Господу Исшу, и всегда сама ходила в воскресенье в ропату, да приглашала с собой Руслана. И он, как-то до этого, не очень-то и верующий, незаметно для себя проникся верой и любовью к Исшу.... Но после смерти любимой жены, не смог найти в этой религии, в этом вроде бы любящем Господе всех обездоленных, той опоры и поддержки, каковая ему была нужна. А всякий

раз, когда он спрашивал у служителей ропаты, прикариев, совета, как преодолеть все поедаящую боль души, то слышал одни и те же фразы и слова, казалось они говорили все по бумажке... И в тех советах, словах ничего не было чувственного, светлого и чистого, что могло поддержать его, Руслана. И душа его вроде бы вначале потянувшаяся к Господу Исшу, замерла внутри и стала настойчиво отговаривать его ходить в ропату.

Вот и сейчас, она шептала тоже самое, что и всегда: «Нет, нет, никакого Господа Исшу, все это выдумки! А если бы он был... такой добрый, любящий, переживший во имя нас боль, страдания, муки... Он, который всегда рядом с нами, который следит за нами, ведет нас по жизни, в чьи руки каждый миг вручаем мы свои тела и души... то никогда бы он, Господь и Бог добра не позволил умереть Танюше... Он бы не смог спокойно взирать на ее страдания и боль, не позволил ей мучиться перед смертью... Да и не только ей одной, а всем тем людям и детям которые лежат в больницах и умирают в болях от неизлечимых болезнях... Если он каждый миг с нами, то как может взирать на это спокойно, да не просто взирать, а сам... сам, посылать эти страдания».

– Нет, нет, замолчи! – громко сказал Руслан и посмотрел на синюю толстовку, где на груди был изображен непонятный рисунок, и черными буквами на английском языке было написано: «Get of live all!»

Женщина, проходящая мимо и спешившая к перекрестку,

испуганно глянула на стоящего и разговаривающего вслух Руслана, и шарахнулась от него в сторону, а когда светофор мигнул ей зеленым светом, широким шагом стала переходить проезжую часть. На ходу поворачивая голову и тревожно поглядывая, назад, наверно пугаясь, что обезумевший молодой человек сейчас бросится на нее сзади и вцепится в ее подверженные химической завивке и окраске волосы. Руслан усмехнулся, увидев выражение лица женщины, и также поспешил ступить на асфальтное покрытие дороги, сверху побеленной полосатой зеброй, собираясь перейти на другую сторону улицы. Однако теперь он не бежал, а неспешно и как-то вразвалочку шел, все еще обдумывая, что шептала душа, и втайне от нее, точно она могла то не услышать, все же соглашаясь с ее мнением. На чуток он даже замедлил шаг, но так как Руслан находился на проезжей части, то возмущенный водитель, сидевший за рулем черной иномарки, и увидевший загоревшийся для него долгожданный и столь необходимый зеленый свет, да остановившегося напротив худого в джинсе придурка, громко засигналил бэ... бэ! Руслан повернул голову посмотрел на разгневанное лицо водителя, который крутил пальцем у виска показывая всем своим видом, что и тот, и он сам безумцы, и прибавив шагу миновал дорогу. И все тем же прибавленным шагом повернул направо перешел на другую часть улицы, да, свернув влево, по тротуару, направился прямо к ропате, которая пряталась невдалеке среди высоких многоэтажных жилых зданий.

Пройдя немного вдоль проезжей части, он повернул снова направо, и наконец-то увидел перед собой ропату, и, разглядев ее так, будто узрел впервые, двинулся прямо к ней.

Ропата по внешнему виду отличалась от прочих зданий. Само здание было округлой формы, довольно высокое в три этажа, а завершалось сверху покатым куполом и устремленным вверх, в небесную высь, богато украшенным золотым четырехугольным крыжом. Подойдя ближе к ропате, вход в кою преграждали двухстворчатые, высокие, деревянные двери, сверху над каковыми висело рисованное изображение Исшу, Руслан остановился. Медленно и со смирением, как это и указывал Исшу, мужчина поклонился Господу до земли, вернее до бетонной плитки, украшающей покрытие возле ропаты. Затем все также смиренно он подошел к двери, и, протянув руку, взялся за деревянную, длинную ручку, да резко дернув ее на себя открыл дверь, и вошел вовнутрь ропаты, где уже подходила к концу утренняя служба. И приказный протяжно, медленно возлагал молитвенные прошения, а небольшой хор, стоявший справа также протяжно, заунывно подпевал ему.

Руслан, шагнув в ропату и затворив за собой дверь, огляделся. Широкий, круглый зал и несколько столбов, словно поддерживающие край потолка купола, на которых, как впрочем, и на самом потолке и стенах ропаты, красовались изображения Господа Исшу, его учеников, мучеников, страдальцев и святых. Прямо перед ним толпилось с десятков

старых, укутанных в цветастые платки, бабок, а на небольшом возвышении, к каковому вели три широкие ступени стоял сам прикарий. И как только Руслан глянул на этого священнослужителя, так в тот же миг онемел, а рот его широко раскрылся сам собой. Прикарий был уже не молод, но и не стар, тучный, да только не той приятной, здоровой полнотой, какой славятся русские женщины, а той обрюзгшей, противной, от которой выпирает вперед живот и оттягиваются по бокам лица складки кожи. Той от которой кожа становится желтоватой с огромными рытвинами, ямками по поверхности. Но не это дурнящая обрюзглость поразила Руслана, не само оплывшее лицо, и выпирающий живот, а потрясла, встревожила его душу, одежда в которую был одет прикарий. Потому что именно эту одежду он видел сегодня ночью на демоне. На прикарии было то же самое серое, длинное платье, похожее на женское, с широкими рукавами, кои полностью скрывали своей длинной руки, без всяких разрезов спереди и сзади, лишь с отверстием для головы. Правда, на прикарии не было пояса, а на груди висел на широкой, золотой цепочке большой, золотой крыж украшенный зелеными изумрудами.

И внезапно, само собой подумалось Руслану, что если продать этот крыж, да еще и украшенный такими изумрудами по углам, так наверно ни одну можно было бы спасти жизнь...

Тех несчастных больных лежащих в белых, чистых своих

темницах... Там в больничных отделениях, в высоких, многоэтажных зданиях, и ожидающих помощи от врачей, людей, прикариев, Богов. А мгновение спустя в голове опять появились и пролетели строчки из Лермонтовского демона:

«Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы...»

Руслан услышал промелькнувшие строки поэмы, и, посмотрев в лицо прикария, тяжело вздохнул, точно решил для себя, что-то... Вроде сейчас, в этом простом человеке, обремененном полнотой духовной власти, решил он найти или соратника, или врага. Потому он дождался окончания службы, и когда старенькие бабульки низко кланяясь до земли прикарию и изображениям Ишшу стали расходиться, а тучный, полнотой доверенной ему власти откуда-то свыше и радостью жизни, прикарий пожелал покинуть ропату, подошел к нему.

– Отец духовный, – прерывисто задышав, обратился Руслан к недовольно вззирающему на него прикарию. – У меня горе... беда...

– Господь наш Ишшу, – дребезжащим, неприятным на слух голосом, торопливо ответил, куда-то опаздывающий прикарий. – Друзей своих врачует напастями, дабы ими

от грехов очистить.

– Что? – сморщив лицо и не очень понимая, о чем говорит прикарий, переспросил Руслан. – У меня беда...

– Какая, какая беда? – поспешно спросил прикарий, поглядывая на двери, ведущие из ропаты.

– Жена больна, – почему-то солгал Руслан и посмотрел в блекло-серые, оплывшие складками жира глаза духовного отца.

– Господь послал болезнь. Благодарю Господа, потому как все, что от Исшу бывает к добру, – безразличным, бездушным тоном, так, будто говорил когда-то давно выученные на оценку пять слова, изрек прикарий. – Если чувствует и видит она, жена твоя, что сама виновата и не сберегла здоровья, пусть каяться... Но и каясь, пусть помнит, что болезни от Господа, ибо всякое стечение обстоятельств, не случайно все ниспослано им Господом Исшу. Поэтому и ты сам, и жена твоя благодарите Господа за эту болезнь, потому что болезнь смиряет, умягчает душу и облегчает ее тяжесть обычную от многих забот.

Руслан вначале смотрел на прикария, на его жидкие седые, покрытые, от сладкой жизни, жиром волосы, на которых сверху покоилась фиолетовая, бархатная шапочка, потом перевел взгляд и глянул на толстые губы, выпирающие вперед и широко растягивающие, в уголках коих притаилась белая густая, похожая на крем слюна. Он слушал, молча прикария, а тот исторгал из себя невесть какую белеберду, и эта

белеберда почему-то стала злить Руслана, так вроде, кто-то, очень неторопливо отходя назад, натягивал тонкую резинку. Прикарий поднял левую руку так, что рукав длинного одеяния задрался показав крупные, швейцарские часы, и продолжил все тем же равнодушным голосом:

– Но есть такие болезни, на исцеление коих Господь налагает запрет, оно как Господь Исшу знает, что болезнь нужнее, чем здоровье, а потому вы должны принять эту болезнь как благо, от Господа Благого, и мир дает...

Но кто дает мир, и, что дает мир Руслан, увы! так и не успел узнать, потому как резинку, натянутую до победного конца внезапно отпустили... И она громко засвистев, полоснула его по черно-голубой душе, и он также громко закричал на всю ропату:

– Дурень, дурень, ты, толстый... покрытый чернотой прикарий! И Господь твой никакой ни нищий, измученный Исшу, а..., – Руслан на мгновение затих, а после выплеснул на прикария все то, что услышал ночью от демона и осознал своей душой. – А твой Господь Чернобог, и в Пекло, в Пекло, к нему уползет твоя черная покрытая ложью и жиром душонка.

Руслан порывисто развернулся, в последнюю секунду глянув на ошарашено-испуганное лицо прикария, покрытое маленькими капельками пота, у которого, от неожиданного поступка прихожанина, нижняя челюсть упала вниз, а подбородок покрытый двойной, вернее тройной складкой кожи

опустился на грудь, закрыв своей плотной стеной жира и без того короткую шею. А Руслан уже убежал из ропаты, громко топая по мраморному полу кроссовками, шумно хлопнув деревянной дверью, отчего вдруг послышалось глухое у... у... ух!.. это кирпичные, поштукатуренные и покрашенные в белый цвет стены ропаты заходили ходуном и закачались. Он бежал вперед, в голове его стучала лишь одна мысль, обидная, и ужасно болезненная, просто не выносимая мысль: «За то, что Танюша так мучилась, я оказывается должен был благодарить этого Исшу... Что ж это за Господь такой, что ж у него там вместо души?... камень, что ли... или у него вообще нет души... а может..., – и Руслан, прервав свои размышления, остановился, замер на месте и задумался, вспомнив слова ночного гостя-демона. – Не ходи ты, в свою ропату, ничего там нового не услышишь, и не увидишь, там мои яремники трудятся внушая вашим душам то, что нужно мне...»

И выходит, верно сказал демон, служат в ропате его яремники, внушающие людским душам всякую ерунду, чепуху, бессмыслицу, ложь...

Да... да, да, верное слово ложь!

Руслан повернул голову, посмотрел на ропату и содрогнулся всем телом, содрогнулся своей голубо-черной душой, потому как теперь на него глядело не белое, ухоженное, круглое здание с золотым покатым куполом и крыжом наверху, а на него косилось, гипнотизируя, ужасно кособокое,

двухэтажное здание. Одна из сторон которого была высокой с небольшими башенками и окнами, а другая такой, точно в ней разломали все башни, окна вырвали, и по стенам стреляли не раз из пулемета, и возможно даже из гранатомета. И цвет у ропаты теперь был не белый, а черный. Купала горели не золотом, а блистали насыщенной синевой с черными пятнами по поверхности. И вместо золотого, четырехугольного крыжа, горел черный, тонкий шпиль, венчающийся плоским кругом, с которого на Руслана глянуло белое лицо демона, с тонкими обсыпанными снежной изморозью бровями и губами, с изогнутым немного вправо носом и, красными глазами полыхающими холодными бликами огня.

И внезапно у Руслана заболел нос, а секундой спустя из обеих ноздрей потекла алая, густая кровь. Он поднял левую руку провел пальцами по коже, утирая обильно текущую кровь и все еще не сводя глаз с красных очей демона, затем резко развернувшись, поспешил вперед, туда... хоть куда... лишь бы подальше от этой лживой, треклятой и кособокой ропаты и веры. В кармане куртки вновь послышался не громкий звук сигнала, возвещающая приход очередного сообщения. Руслан, утирая левой рукой текущую кровь из носа, достал сотовый, правым указательным пальцем снял блокировку, и когда экран загорелся, увидел, что сообщение прислал все тот же неизвестный Босоркун: «Выполни мое повеление, а иначе я накажу тебя! И хватит тебе шлындрачь по городу, иди домой, не трать попусту, свое драгоценное

время!» Прочитав сообщение, мужчина снова остановился, и в ту же секунду кровь перестала течь из носа. Он оторвал подушечки пальцев от ноздрей, глянул на них, и испуганно отшатнулся назад, ни на подушечках, ни на ладони крови не было.

«Босоркун это имя демона, – тихо подсказала душа. И еще тише добавила, – иди... иди Руслан домой и выполни то, что тебе повелел Босоркун».

Глава четвертая

После того, как Руслан решил внять мудрому совету своей голубо-черной души, он поспешил к дому, а войдя в подъезд, поднялся на третий этаж, остановился возле входной двери покрытой кожаной обивкой, темно-коричневого цвета. Еще маленько он стоял неподвижно подле двери, протянув и направив на замочную скважину ключ, колеблясь, страшась войти в квартиру, где так явственно сегодня утром слышалось дзинь. Но потом, вспомнив ропату, тучного прикаря, все же вставил ключ в щель, открыл замок и дверь, да вошел в квартиру. Как всегда в квартире царила тишина, и даже иногда встречающий его, Барсик, не пожелал выйти навстречу хозяину, и мурчал откуда-то из комнаты. Руслан чувствовал, как туго, надрывно задышали легкие, наполнив своей массой грудь, как тревожно забилося сердце, словно птичка, пойманная в силки. Он торопливо закрыл дверь, предварительно вытащив из замочной скважины ключ, снял кроссовки и куртку, дрожащими руками повесил ее на крючок и также торопливо прошел в комнату. Кот продолжал крепко спать около ножек кресла, временами выпуская вверх тихое мур. Барсик даже не поднял голову и не открыл глаза, он был совершенно равнодушен к приходу хозяина. Однако впервые за эти полгода мужчина весьма обрадовался, увидев этого бело-серого толстяка. Он подошел к нему, наклонился

и провел ладонью по его пушистой, мягкой шерсти, а затем, подняв кота на руки, прислонил к груди так, как обнимал лишь Танюшу и мать. Руслан чувствовал исходящее тепло от живого существа, он уловил биение его маленького сердца, ровное дыхание и тихое мурчание. И продолжая прижимать его к груди, будто нес перед собой щит, каковой, своей хрупкостью и жизнью, мог защитить слабую душу человека, пошел в кухню.

Войдя вовнутрь кухни, миновав дверной проем, Руслан опасливо огляделся. В комнате стоял неясный сумрак, солнечные, весенние лучи никак не могли пробиться сквозь плотно закрытые темно-коричневые шторы, отгораживающие большое окно, вмонтированное в стену напротив двери. Медленно подойдя к шторам и маленько скосив глаза, да глянув на раковину, хранящую внутри себя белую чашку с расписными краями, мужчина переложил грузное тело кота в левую руку, а правой раздвинул шторы. И тотчас кухню наполнил теплый солнечный свет изгнавший все бах, дзинь и бом! А Руслан увидел перед собой металлопластиковое окно, с покрытыми пылью тремя стеклопакетами, широкий пластиковый подоконник и черный ноутбук, сверху на нем. Через стекла окна на него глянул противоположный жилой дом, а прямо под его бетонными ногами, увидел он асфальтовую парковку, кое-где уставленную автомобилями. Огороженную, невысоким железным забором, покрашенным в зеленый, синий цвет, детскую площадку с пу-

стыми песочницами и качелями, которые тихо покачиваясь, скрипели своими плохо смазанными суставами. И Руслан, глядя на эту пустоту, почувствовал внутри себя острую тоску, так тяжело и протяжно вздохнула его душа, припоминая былое, припоминая его далекое детство. Двухэтажные, небольшие на восемь квартир дома, теснившиеся невдалеке друг от друга, большие дворы, утопающие в зелени высоких карагачей и дубов... дворы и дома, наполненные криками, визгом и смехом детворы.

В противоположном доме открылась дверь подъезда, и оттуда вышел молодой мужчина, ровесник Руслана. Он вывел на длинном поводке огромного кобеля, черного цвета с такой мордой, будто по ней многократно били тяжелой кувалдой. И почему-то опять протяжно вздохнула внутри душа, увидев то, в чем была давно убеждена и о чем не раз грустила. Руслан взял правой рукой ноутбук, и, развернувшись, поставил его на стол, а после посмотрел на покрытого слоем жира и шерстью кота.... Хотя вернее сказать не кота... а так себе-неизвестно кого, на Барсика который уже более двух лет был не он, а оно.... И теперь уже тяжело и протяжно вздохнул сам Руслан, так же как до этого вздыхала его душа, подумав, что и он, и кот его... все это ни мужского пола, а среднего, без всякого продолжения, без всякой жизни и может быть без всякой надежды.

Присев на корточки, он бережно пристроил кота на свои тапочки, все еще стоящие под столом. После протянул ру-

ку и вставил вилку, от провода соединенного с ноутбуком, в розетку, да подтянул к себе стул, на коем вчера сидел. Неторопливо опустившись на стул, мужчина поднял крышку ноутбука и включил его. И пока ноутбук разогревался, тихо постанывая чем-то внутри себя, и загорался его черный экран, а подключенный модем не ярко мигал красной точкой на своей черно-желтой поверхности, Руслан задумался о том, где же и какую информацию ему стоит искать. Но прежде чем выйти в Интернет он открыл в библиотеке, хранящейся в папке «Мои документы» «Толковый словарь русского языка» В. И. Даля и поискал слова, понятия которых повелел ему найти демон. «Пекло-самый жар, огонь. Ад, преисподняя, кромешная, огонь, жупел. Невыносимая жизнь, адская каторга. Будешь в пекле, так нас помяни-говорят обидчику». «Вырей, вырай, ирей, ирий, ирица-земной рай, теплые страны; волшебное царство».

«Так значит, – подумал Руслан, не найдя у Даля ничего про Чернобога, и подключая Интернет. – Пекло-это ад, то место, куда наверно уходят грешные души после смерти... А Ирий, какое-то волшебное царство, или земной рай... Тогда почему демон, сказал, что души жителей земли уходят в Пекло, потому как забыли и утеряти веру предков, и поэтому закрылись ворота в Ирий-сад. Наверно. – продолжал думать Руслан. – Ирий-сад и есть рай... только другое название... И если мои предки утеряти веру то, что это была за вера... может языческая вера в...» – он на миг

прервался в размышлениях, провел подушечкой указательного пальца по краю клавиатуры, и протянув голые стопы к лежащему под столом коту дотронулся ими до его мягкой шерсти. Барсик довольно замурчал, а Руслану внезапно вспомнились слова Н. Карамзина из «Истории государства Российского»: «Таким образом грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит Богов на всяком шагу, чтобы изъяснять действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь! Желая выразить могущество и грозность Богов, славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц и проч.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.